

Внимание-внимание всем туристам!

Скоро начнется ваша экскурсия
по Самайнтауну.

Не кормите плотоядных фей,
не соглашайтесь убить Франца
и ни в коем случае не улыбайтесь
странному человеку в ответ.

И помните: быть ненормальным —
это нормально! Для этого
и существует Самайнтаун.
Добро пожаловать!

С любовью,
Анастасия Гор

КНИГИ АНАСТАСИИ ГОР

2:36 по Аляске

ТРИЛОГИЯ «КОВЕН ОЗЕРА ШАМПЛЕЙН»

Ковен озера Шамплейн
Ковен заблудших ведьм
Ковен тысячи костей

ДИЛОГИЯ «РУБИНОВЫЙ ЛЕС»

Рубиновый лес
Кристалльный пик

РОМАН-ОДНОТОМНИК

Самайнтаун

ЦИКЛ «СКАЗАНИЯ О МОНОНОКЕ»

Сказания о мононоке

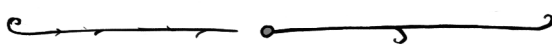

АНАСТАСИЯ ГОР

САМАИШТАУН

Город
вечной осени

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Художественное оформление *Ольги Левиной (Sceith-A)*
Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Гор, Анастасия.
Г67 Самайнтаун / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо,
2025. — 736 с.

ISBN 978-5-04-222271-9

В Самайнтауне быть ненормальным — нормально. Ведь здесь живут они: русалка на инвалидной коляске; королева фэйри, несчастная в любви; вампир, который боится крови; и, разумеется, Безголовый Джек, главный символ города и его хранитель. Джек мечтает лишь об одном — вспомнить, куда подевалась его голова, и чтобы хоть один год прошел без происшествий.

Но с наступлением октября все снова идет не так.

Самое страшное для жителей Самайнтауна вовсе не смерть. Самое страшное — это если в город вечной осени вдруг приходит лето и Улыбающийся человек. Который заявляет, что отныне Самайнтаун принадлежит ЕМУ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222271-9

© Гор А., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ТРАВУЛЯ
САМАИНТАУНА
ДЛЯ
НОВОПРИБЫВШИХ

1.

Не пугайтесь странностей —
наслаждайтесь ими.

2.

Ни в коем случае не тушите свечи
с голубым пламенем.

3.

Уважайте живых, мертвых, котов и тыквы.

ПО ОСТАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ
ОБРАЩАЙТЕСЬ К ДЖЕКУ.

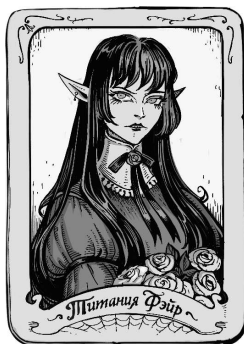
Джек Самайн

Основатель и хранитель города Самайнтаун, потерявший голову (буквально).

Лорелея Андерсен

Бывшая русалка, прикованная к инвалидному креслу и заколовшая любимого ради ног.

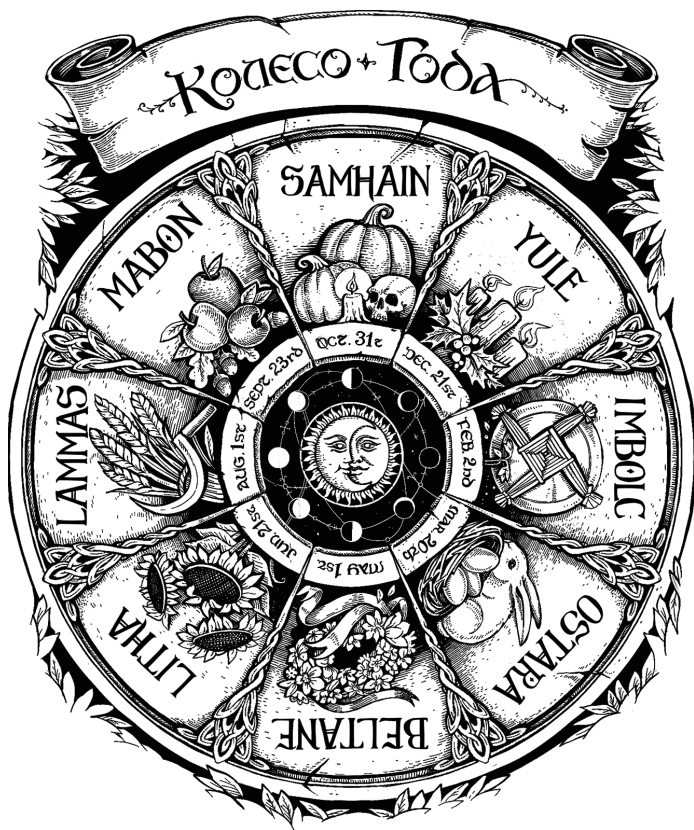
Титания Фэйр

Королева фей Неблагого двора, несчастная в любви, потому что съедает своих возлюбленных.

Франц Эф

Вампир, который боится крови и не может умереть, как бы ни пытался.

Древние кельты жили согласно Колесу года — циклу сезонных праздников. Всего праздников — спиц Колеса — было восемь: Йоль, Имболк, Остара, Белтейн, Лита, Ламмас, Mabon...

Последний из них САМАЙН — праздник окончания сбора урожая, день мертвых и конец года по кельтскому календарю, когда мир окончательно погружается во тьму. Традиционно отмечался в ночь с 31 октября на 1 ноября. Сегодня этот праздник известен как Хэллоуин.

Пролог

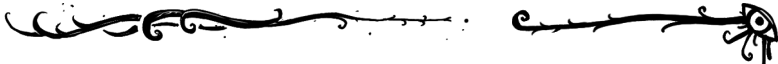
Когда Джек очнулся, он не помнил ничего ни о себе, ни о мире вокруг, но твердо знал: нельзя позволить голубой свече угаснуть.

«Заботься о свече, Джек», — предупредил и вязовый лес тоже.

Пальцы ныли, распухли от раскаленного воска, скатывающегося по завитому жемчужному стержню, сотканному из семи стержней потоньше, что переплетались между собой. Всю левую ладонь покрывали ожоги и волдыри, старые и свежие, сухие и мокрые. Джек не знал, сколько часов — дней? недель? лет? — держит эту свечу вот так, на весу, и кто зажег этот странный сапфировый огонь. Он глубоко вдохнул и выдохнул, но пламя не колыхнулось. Приблизил его к груди — и почувствовал мертвецкий холод. В потрескивании свечи Джеку мерещилась буря, а в танце бликов вокруг — ритуальная треба.

«Свеча должна гореть, Джек. Пусть всегда горит, как звезды».

Джек пристально всматривался в пламя, пока наконец-то не разглядел страшный секрет, который оно хранило

и умоляло охранять его. Воск продолжал таять, скатывался вниз жирным глянцем, но свеча не оплывала. Ей было суждено гореть вечно — только бы Джек смог присмотреть за ней и уберечь. А иначе... иначе случится непоправимое. Он не знал, что именно, но решительно вознамерился никогда этого и не узнать.

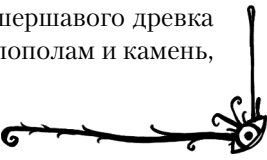
А еще так же хорошо, как Джек чувствовал важность этой свечи, он чувствовал и то, что наступила осень.

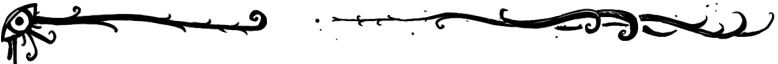
Корневища вязов, причудливо изогнутые над покрывалом из пылающих листьев, ощущались столь же отчетливо, как его собственные руки и ноги. Каждый новый листок, что ложился на землю, словно влетался в полотно шерстяного пледа и согревал озябшую кожу. Скрюченные заскорузлые ветви цеплялись за Джека, а он цеплялся за них. Вороны кричали ему с верхушек вязов, а Джек молчал. Те самые корни, тугие и мощные, напоминали спины древних китов, ныряющих в шелестящее красное море. Они взвивались и складывались, образуя мосты между минувшими днями, на которые Джек мог опереться, присесть, когда снова терялся. А терялся он постоянно: в лесу, в ветвях, в вороньем крике и в самом себе. Он сидел на одном месте подолгу, он вдыхал запах опада и прелой осоки, он думал о том, что этот запах и есть он. Джек — это кровотокающая осень, где все красиво, но обречено на смерть.

Однако Джеку жутко хотелось узнать, есть ли в нем что-то, кроме него самого — кроме осени и смерти. И в конце концов Джек смог отделиться от леса и покинуть свою колыбель. Он пошел тропой из гниющих цикориев, оставляя следы босых человеческих ног, и вязовый лес зашептал ему вслед, чтобы он опять не заснул:

«Эй, Джек! Где твоя коса?»

Одна рука потянулась к спине, слишком свободной и легкой. Она искала древнюю ношу из тьмы, жидкой и подвижной, как чернила; из кожаных лент, шершавого древка и лезвия острого, какое может перерезать пополам и камень,

и кости с одного взмаха. Но тень Джека гнездилась у ступней и больше не оживала. За спиной действительно было пусто. Так же пусто вдруг стало где-то внутри — и голова закружилась.

Тогда Джек еще не знал, что кружиться на самом деле нечему — головы-то у него нет. А свистящий глас леса будто смеялся над ним:

«Эй, Джек! Где твоя голова?»

«Да здесь же, здесь!» — хотелось ответить ему раздраженно, но пальцы снова дотронулись до пустоты, провалились в горловину рваной рубахи. Промозглый ветер обволакивал зябким шелком и терялся среди деревьев, и точно так же от сознания Джека ускользало происходящее.

«Эй, Джек! А где ты сам?»

— Я здесь, — сказал он и оглянулся. — Я ведь... Джек? Меня зовут Джек?

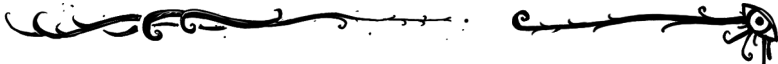
Он спросил у леса, и лес ответил:

«Джек, Джек, Джек. Тебя зовут Джек».

Тогда лес знал о нем больше, чем он сам, и Джеку пришлось ему поверить. Он последовал совету продолжать идти — лес не сообщил об этом прямо, но намекнул, что, стоя на одном месте, Джек рискует опять уснуть среди опавшей листвы и никогда больше не захотеть стать чем-то другим — и они проговорили всю дорогу. Правда, почти все время лес повторял одно и то же, звал Джека по имени и задавал глупые вопросы, на которые у того не было ответов, поэтому Джек не узнал толком ничего нового. Поэтому он обрадовался, когда в их беседу вдруг ворвался осенний ветер. Ветер, в отличие от леса, ни о чем не спрашивал — он рассказывал сказки:

«Жил Самайн в краю жестоком — дух пира, что считался слишком добрым. Несмотря на то, у Самайна было все: семь братьев, кров, одно веселье, — не смолкали крики в час его явления».

Вязовый лес был темным и страшным. Вязовый лес был тихим и родным. Сквозь трещины в стволах проклевыва-

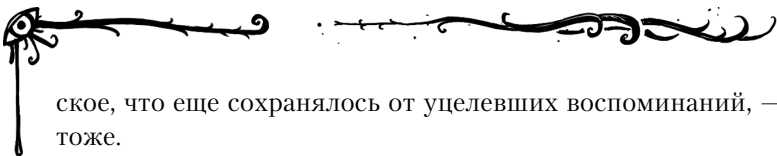
лись грибы с коричнево-рыжими шляпками, по ним текла смола — кровь земного мира. Осень разгоралась вокруг, как пожар, и Джек горел вместе с ней. Он бродил с полуприкрытыми глазами, отвергая усталость, хотя тело болело. Он карабкался по ветвям, чтобы посмотреть на солнце, запутавшееся в дождевых облаках, но неизменно срывался вниз. Он наблюдал за диким зверьем, роющим норы к зиме и грызущим заиндевелую бузину, но на него не обращали внимания. Из-за этого Джеку приходилось слушать ветер даже тогда, когда он не хотел:

«Но добро в жестоком мире — бремя. У Самайна было все — и ничего. Спросили у него семь братьев, почему не радуется его ничто? Ведь жатва кончилась давно».

От очередной сказки Джека спас дождь. Большая ледяная капля упала ему за шиворот, затем скатилась на рукава льняной рубахи, расплываясь бесформенными пятнами на грязно-желтой ткани. Следующая капля приземлилась прямо на горящую свечу — и она зашипела, сморщилась недовольно. Джек попытался спрятаться под кроной рябиновой рощи — та неожиданно сменила вязовый лес, — но поскользнулся на размытом склоне. Кости затрещали, как хворост, который он переломал собой, когда упал. Вверх взвился сноп оранжевых листьев. Падение смягчил домашний свет — вернее, та надежда, которую он вселял, пробиваясь сквозь густые заросли.

— Кто здесь?! Назовись! Слышишь меня? Стрелять буду!

Джек так и не понял, что лес и ветер говорили с ним его собственным голосом. Он прошел еще немного — по ощущениям, правда, раза в три больше, чем весь предыдущий путь, — и рухнул на ступени ветхой хижины, единственной на сотню миль вокруг, как выяснилось позже. Свет фонаря, льющийся из приоткрытой двери, показался ему горячее солнечного, а щелчок оружейного затвора — отчетливее молнии, разрезавшей черное небо на две несимметричные части. Весь мир умолк — и то маломаль-

ское, что еще сохранялось от уцелевших воспоминаний, — тоже.

Осталась только голубая свеча, потерянная голова, Джек и молодая женщина по имени Роза, которая нашла его точно так же, как он нашел ее.

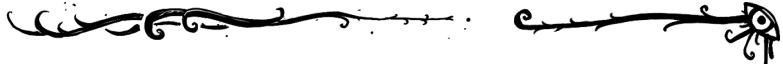

— Эй, Джек! Ты там уснул? Ты, это, скажи если что, а то я ведь по твоей тыквенной башке не понимаю, когда у тебя глаза закрыты.

Джек повел плечом, стряхивая наваждение прошлого, которое неизбежно нагоняло настоящее. Старое кладбище Самайнтауна всегда действовало на него усыпляюще, будто пыталось вернуть должок и погрузить Джека обратно в долгий сон, однажды им уже отринутый. Даже спустя сотню лет здесь все еще пахло опадом и прелостью. Только полоса вязов заметно поредела: теперь деревья перемежались надгробиями из серого мрамора, поросшим мхом и красным плющом, а вместо грибов на стволах блестели медные указатели. Некоторые могилы были до того старыми, что крошились и скашивались, напоминая ряды гнилых зубов в разинутой звериной пасти. Земля в таких местах каменела, и уходило по нескольку часов кряду, только чтобы расковырять ее и пробиться к крышке заветного гроба. А если Джек начинал глазеть по сторонам, проваливаться в свои мысли и мечтать, то времени требовалось в два раза больше.

Франц откашлялся и постучал железным наверху по твердому грунту, призывно глядя на Джека со дна выкопанной ямы.

- Ну что? Ты живой?
- Ага. Прямо как ты.
- Ой, чего так грубо сразу? По больному!

Джек вздохнул и, перешагнув через длинный сверток в черном полиэтиленовом мешке, прыгнул к Францу в яму. Вместе они налегли на лопаты, чтобы поскорее похоронить в заброшенной безымянной могиле свежий, еще даже не окоченевший труп.

АКТ I

МЕСЯЦ ДО
ВЕЛИКОЙ ЖАТВЫ

1

Все начинается с убийства

Октябрь 1998 года начался точно так же, как начинался каждый год, — с убийства. Правда, справедливости ради надо сказать, что октябрь в Самайнтауне не заканчивается никогда. Сменяются дни в календаре, смерть сменяет жизнь — но не меняются красно-желтые листья на деревьях, жухлая трава и мокрая земля, где растут лишь ядовитые цветы, а урожай всегда один и тот же. Рассветы здесь — непременно марево тумана, закаты — кровавые пожары. Но по какой-то причине — не менее загадочной, чем природа, склонившая голову перед тыквой и косой, — число трупов всегда увеличивалось соразмерно тому, как сокращался солнечный день. А сокращался он везде быстро, но еще быстрее — там, где Джек. Будто тьма, сгущающаяся во всем мире, целенаправленно сползлась в Самайнтаун.

Здесь билось ее сердце, защищенное фасадами пятиэтажных домов из клинкерного кирпича с черепичными крышами, и, не имея собственной крови, оно словно стремилось